

ИНДИВИДУАЛИЗМ: ПО ТУ СТОРОНУ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Аннотация. Уточняется содержание идеи индивидуализма, соотносимой с идеями альтруизма и эгоизма, коллективизма и либерализма. С этой целью анализируется оппозиция «Я – другой»; по характеру социокультурных оснований и следствий для индивидуумов выделяются разновидности коллективизма; со ссылкой на Э. Юнгера оттеняется либеральная подкладка тотальной мобилизации. Утверждается положительная ценность индивидуализма как стратегии ответственного самостоятельного бытия человека и её актуальность в современной России.

Ключевые слова: философия, человек, Я, другой, индивидуализм, эгоизм, альтруизм, коллективизм, братство, либерализм.

Выговорить наболевшее. Такова, как нередко бывает, цель нижеследующих размышлений. Вряд ли они переубедят идейных оппонентов (прежде всего, из числа традиционалистов-общинников и либералов-законников), но от споров с ними всё равно не уйти. Дело не в словесной перепалке, не в языковой игре (хотя стилистические изыски никто не отменял). Вопрос в том, в какой стране мы живём и собираемся жить, что мы способны всерьёз предъявить подрастающему поколению, чем оправдаться перед ним. А оправдываться придётся: мы не сохранили страну, в которой родились. Постараюсь удержаться в философских рамках полемики монолога (вероятность диалога ничтожно мала). Впрочем, крена в публицистичность не избежать: граница между бытом и бытием до некоторой степени прозрачна.

Основная задумка — реалистическое, без абсолютистских претензий, оправдание *индивидуализма*; строгое отграничение его не только от *коллективизма*, но и, особенно, от *эгоизма* и *либерализма*. Общественная жизнь противоречива, изобилует опасностями. Конечно, индивидуализм препятствует формированию большой социальности — но не только содержательно положительной, но и содержательно негативной, ущербной. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, без развитого индивидуализма (отличного от эгоизма) становление содержательно положительной социальности бесперспективно, обречено на неудачу. Старая, не раз обсуждавшаяся апория,

которая периодически оказывается предельно актуальной и настоятельно требует личностного разрешения...

Новое время выдвинуло три больших социальных проекта: собственно модерновый, формально-феноменального равенства людей (*либерализм*), и адаптированные модерном эссенциальные проекты сущностного равенства (*коммунизм*) и сущностной иерархии (*фашизм*). К настоящему моменту два последних обыграны и обойдены первым, что закономерно, если логическое и историческое действительно пребывают в согласии. Либерализм победил не антагонистически чуждые себе, а сопредельные, побочные для матрицы Нового времени общественные системы, проникнув в их исходный предмодерновый гештальт и преобразовав его. Приспособление эссенциальных моделей традиционного общества к нововременной прагматике было произведено посредством *тотальной мобилизации*, либерально-прогрессистская подкладка которой приоткрыта Э. Юнгером. В акте тотальной мобилизации «широко разветвлённая и сплетённая из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку военной энергии»¹. Сеть, даже извилистая, — уже отсутствие глубины, уже плоскость, в которую сплющивается слоистая, пирамидальная структура старого мира.

¹ Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи (1923-1933) / Пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Скимень, 2008. С. 196.

Но это особая плоскость, позволяющая — ситуативным центрированием среды — продуцировать временный, нетоталитарный *порядок из хаоса* и поддерживать постоянно наличествующую тоталитарную *вертикаль без вертикали* (с лакунами, мнимостями и симулякрами). «Тотальную мобилизацию осуществляют не люди, скорее, она осуществляется сама; в военное и мирное время она является выражением скрытого и повелительного требования, которому подчиняет нас жизнь в эпоху масс и машин»². В эпоху анонимного либерального сутяжничества. Немецкий философ констатирует: именно в либерально-демократических государствах, с их прогрессистским «автоматизмом», сплошная милитаризация была осуществлена эффективнее, нежели в сословных автократиях, что и предопределило исход Первой мировой войны. После неё, симптоматично, все страны-участницы «причастились культу Неизвестного солдата»³ (и тут обезличивание!), против которого выступает философ-воин, не желающий предавать особенное ради всеобщего.

Для человеческой свободы победа либерализма оказалась пирровой. Свободное волеизъявление и содержательная, творческая деятельность планомерно вытесняются из реального жизненного пространства в виртуальное, автор превращается в аватара. Таков вердикт не поверхностного, с эллинистическими корнями, индивидуализма, воплощающего рискованную идею подчеркнутой самостоятельности человека.

При обороне её отечественных рубежей оттолкнёмся от концептуальной идеологической триады, почерпнутой из доклада С.А. Маркова на пленарном заседании Дней философии в Санкт-Петербурге — 2011. Докладчик, директор Института политических исследований, заместитель председателя Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций, отметил: 1) современное российское общество предельно атомизировано; 2) господствующей идеологией выступает у нас сегодня не либерализм (ценность свободы для многих социальных групп девальвирована), а индивидуализм; 3) экстремально атомизированное общество ценно в качестве удобного строительного материала для формирования новой социальности. Из приведённых тезисов соглашусь лишь с первым. Действительно, солидарность между людьми, не только

активная, на уровне соучастия, но и пассивная, на уровне сочувствия, ныне у нас в дефиците. Как-то поймал себя на мысли, что, в отличие от советских времён, не переживаю — безусловно, имперсонально — за успехи и неудачи российских спортсменов на международной арене, не ощущаю единения с ними (и полосатый флаг для меня — чужой). Футбольные симпатии давно уже на стороне Испании и Аргентины, «Барселоны» и «Манчестер Юнайтед». Во время Олимпиады «болел» лишь за волейболистов-мужчин, и то скорее не за сборную, а за тренера, человека, который с очевидностью источает жизненный позитив. Он, к счастью, и выиграл турнир. О политиках и говорить не хочется. Между нами глухая стена недоверия и неприязни. Притом что броский протестный лозунг «Они нас даже не представляют!» воспринимается претенциозно-ложным. Нет, публичные и закулисные деятели знают об электорате не меньше, чем он о них, и весьма похожи на него, не отличаясь в лучшую сторону ни нравственными, ни интеллектуальными качествами. Разница, похоже, только в допуске уровне цинизма. Избираемые тут далеко впереди избирателей. Будучи не самым плохим человеком (скромничать здесь ни к чему), небезосновательно экстраполирую собственное умонастроение на широкий круг соотечественников. Тех, кто трезво смотрит на вещи и не ждёт сегодня от избирательных кампаний, как ранее от месячников трезвенности, ничего обнадеживающего. Взору открывается удручающая панорама. На одном фланге — обнаглевшая бюрократия, под патриотические лозунги беспардонно набивающая свои карманы; на другом — офшорная тусовка с двойным и тройным гражданством. Вокруг — челноки-медиаторы, прибыльно снующие между артистично «противоборствующими» группировками. Выборы есть, выбора нет. Как тут не прокрутить в голове «нулевой вариант» и не вспомнить акунинского персонажа с подписью «СДД»: «Сожрите друг друга!». Так ведь нет, не сожрут, и надеяться нечего. Покусуют только чуть, забавы ради. А всех собак спустят — в отместку, без всяких шуток — на массовку и недовольных зрителей.

Состояние глубокой отчуждённости, переживаемое и продумываемое, не приносит, конечно, ни радости, ни удовлетворения, но насильно близко-доверительных отношений с людьми не завязать и отзывчивость в себе не взрастить. Опрометчиво, однако, выражая интересы масс или / и подлинной элиты, усматривать в раздро-

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 213.

бленной социальной среде удобный материал для социального конструирования. Общественно-политическая структура будет прочна, если «низы» откликаются на инициативы правящего слоя или соперничающей с ним оппозиции. Атомизированные, опрошённые донельзя социальные единицы, воспринимая мир на свой манер, не откликнутся ни на что, кроме проповеди к смирению перед перманентной обыденной суетой, перемежаемой относительным покоем. Ничто не сдерживает их от распатывания всех оставшихся и вновь появляющихся сложных жизненных конфигураций, ценность которых в атомистической теории и практике минимизирована. Дискретная среда привлекательна лишь для недалёковидных корпоративно-корыстных политиков, либерально освободивших себя от действительной заботы о согражданах. Их мера покровительства — жалкие подачки! Их либерально модифицированный тоталитарный план: *разделяй, контекстуально конструируй, снова разделяй — и властвуй!* А ведь может не прокатить, в долгосрочной перспективе уж точно... Никакими декретами революцию не запретишь. История учит именно этому. Даже если смысл самой революции в долгосрочной перспективе невелик. Следует подчеркнуть, что атомизированная социальность автоматически не указывает на реализацию индивидуалистического проекта. Он, подразумевая, что и атомы как-то контактируют между собой, культивирует определённого типа отношения между людьми, между мной и другими.

Роль *другого* в философской картине мира многопланова и вряд ли распознаваема досконально. Уловить отдельные её ракурсы — уже удача. Рядом с памятной бахтинской формулой⁴

«Я существую для *другого* и с помощью *другого*» (1)

несложно расположить ещё несколько логически сопредельных:

«Я существую для *другого* без помощи *другого*» (2);

«Я существую для себя без помощи *другого*» (3);

«Я существую для себя с помощью *другого*» (4).

Формула (1) схватывает и передаёт суть *марионеточного альтруизма*. Он рождается в религиозной среде традиционного общества, где *другой* синонимичен прежде всего Богу. За-

тем эта мировоззренческая установка превратно наследуется эмансипированным современным коллективизмом. Формула (4) фиксирует и выражает банальный и, увы, до конца неустрашимый *эгоизм* человеческой природы. Формула (3) корректно репрезентирует последовательный *индивидуализм*, представляющий собой иррациональный, эстетский вызов эгоистичной обывательщине, включая и ту, что рядится в альтруистические одежды. Формула (2) очерчивает поле *суверенного* или, вернее, *тонко инспирированного альтруизма*. Он соблазнителен и укоряющ для индивидуалиста — пока не выкажет тяги к альтруизму марионеточному. Пока не даст осечки от урока Ф. Ницше: *ни ближнему, ни дальнему — не надоедай!* Альтруизм в обеих своих вариациях ничуть не привлекательнее индивидуалистической устремлённости. И не менее сомнителен. Навязчива, приторна до притворства услужливость его адептов. Подозрительно их самоотвержение — с неистребимым мазохистским душком. Предпочтительнее, реалистичнее смотрятся иные жизненные ориентиры: жить для себя и своих близких не без помощи других (близких и дальних), стараясь сводить эту помощь к минимуму и рассчитывать за неё сполна. Такова позиция индивидуализма, адаптированная к бытийным и житейским реалиям. Она не склонна к эфемерно-возвышенному морализаторству, к декларации благих намерений, выстилающих дорогу известно куда...

Вспоминая дедов и прадедов, на чью долю выпали мировые войны ушедшего столетия, задаёшься вопросом: неужели теперь их жизненные испытания бессмысленны, ведь нет ни того государства, ни той страны, которую они защищали? Рассуждая макрополитически и макросоциологически, приходишь к безрадостному, опустошающему ответу. Но нет, сама эта логика, от далёкого и абстрактного к близкому и конкретному, порочна. Перевернув её, многое ставится на место. Наши старшие, защищая тогда себя и своих родных, защитили Родину. И никакие последующие политические и социальные пертурбации не обесмыслят, не умалят их ратный труд. Нынешние партийцы паразитируют на нём, беззастенчиво используя плакаты и фотодокументы военных лет в предвыборно-рекламных целях. Понятно, собственных-то достижений — кот наплакал.

Индивидуалист открыто упрекнёт альтруистов в том, что те лишь вуалируют, загоняют вглубь человеческого и общественного организ-

⁴ См.: Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука, 2000. С. 228.

ма эгоистическую хворь. Отрекаясь от себя, мы избавляемся не от хронической болезни, а от её упорного выкорчёвывания. Альтруизм есть рационалистическая утопия, стыкующаяся с разумным эгоизмом и в конце концов сливающаяся с ним до неразличения. В первом случае интересы и причуды других людей закономерно становятся моими собственными, во втором — осознанные мной фундаментальные потребности с необходимостью оказываются обще- или даже всечеловеческими. Вырисовывается идиллия социальной однородности: содержательно-сущностной или формально-феноменальной. Индивидуалист отвергает презумпцию социальной гомогенности (но не континуальности), отграничивая себя от близких, а близких от дальних, своих от чужих. Он всячески противится «всесмесительному упрощению», отстаивая иерархию, но не косную, а подвижную и пластичную⁵. Обществу равных он недвусмысленно предпочитает братскую общность с присущей ей ранжированной фактурой, хорошо понимая, что обретение её — дело случая, редкой удачи. Регулярности и предопределённости тут бессильны. За отсутствием братства спасает уединённость, не нарушающая подвижную субординацию мироздания. Равенство индивидуалист трактует частным случаем иерархии, иерархией нулевого порядка. Справедливость толкует как оптимальное сопряжение иерархии и свободы, как уместность.

Индивидуалист — и в Европе, и в России — не альтруист и не эгоист. Он носитель и хранитель мужского начала: реалистично уверенный в себе, ответственный человек. «Ты один и надейся только на себя!»⁶ — кредо европейского индивидуализма. Его неэпатажная рефлексия, реалистичная самокритика: «Трагедия не в том, что ты один, а в том, что ты не можешь быть один»⁷. Искомое кредо русского индивидуализма: «Ты не один, но надейся только на себя!». Вне зависимости от того, хороши или плохи окружающие люди. Вынося суждения им, ты — всегда — оправдываешь или обвиняешь себя. В жизни и так немало разочарований. Незачем множить их без надобности.

Либерализм с его культом формального закона, морального и юридического, скорее не партнёр, а соперник до конца продуманного и прочувствованного индивидуализма. Столь любимые и у нашего зрителя герои Ж.-П. Бельмондо, индивидуалисты до мозга костей, открыто насмехаясь над законом, упрямо защищают добро и восстанавливают справедливость. Или вот ещё колоритный персонаж из французского кинематографа 70-х. Неулыбчивый и немногословный, неторопливый и нетолерантный, твёрдо стоящий на своём и на своей земле хозяин фермы Мессе в исполнении Ж. Габена. Внук связался с наркомафией. Ждёт курьера. Дед без тени сомнения одним выстрелом разрывает затягивающуюся петлю. Потом, несмотря на жестокую месть семье, идёт до конца, расправляется с остальными бандитами, перемешивая их с дерьмом, буквально. И ни слова правоохранительным органам. Толку от них, как от самолётов над пастбищем: только коров пугают. Старик не претендует на многое, на чужое. Он, ответственно жертвуя многим, защищает своё и спасает внука (что, по сути, одно и то же), которому (не зятям же, в самом деле!) наследовать дом, землю, образ жизни. Замечательный типаж! До него тянуться и тянуться. Как, например, сегодня не запятнать совести российскому вузовскому преподавателю? За картечь братья, вроде, рановато. А вот саботировать формалистско-бюрократическую дурь высочайших распоряжений пора пришла. Иначе следующие поколения — при моём попустительстве, при моём пособничестве — будут прозябать в егэнутой стране.

В европейской культурной традиции сущее видится изначально дробным, дискретным и потому, по примеру М. Хайдеггера, постоянно предпринимаются попытки отыскать некое *бытие, которое, не будучи сущим*, позволяет координировать элементы последнего, собирать их в определённое множество, ценность которого не уступала бы ценности отдельного элемента. Индивидуалист не без оснований скептически отнесётся к результатам координации и сборки. Устанавливающаяся связь слишком слаба для искреннего, доверительного общения, но более чем достаточна для потери самостоятельности, для контроля над тобой. «... Нитями человека можно пленить надёжнее, чем цепями»⁸. В отечественной культурной тради-

⁵ См.: Фатенков А.Н. Идея подвижной иерархии // Человек. 2007. № 2. С. 18-30.

⁶ Селин Л.-Ф. Смерть в кредит: Роман / Пер. с франц. М. Климовой. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 12.

⁷ Камю А. Записные книжки. Март 1951 — декабрь 1959 / Пер. с франц. Я.Ю. Богданова // Иностранная литература. 1992. № 2. С. 177.

⁸ Юнгер Э. Сердце искателя приключений. Вторая редакция. Фигуры и каприччо / Пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 211.

ции сущее видится изначально континуальным, однако не наделяется сплошь положительной ценностью: в нём в качестве ипостаси, состояния, фрагмента особо выделяется *бытие* — наиболее ценное и достоверное сущее. Симптоматично, что в монадологии Г.В. Лейбница его конгенитальный соотечественник, Г.В.Ф. Гегель, находит *плюралистическую* онтологию западного индивидуализма, а маститый русский лейбницианец, Н.О. Лосский, отнюдь не чуждый идее индивидуации, обнаруживает вариацию *монистической* онтологии конкретного идеал-реализма.

Разумеется, индивидуация — как становление некоего сущего в его особенности и, быть может, даже самостоятельности — ещё не гарантирует ни актуализации индивида, ни, тем более, появления индивидуализма. Это лишь тенденция, допускающая и в определённой, хотя и разной, мере оправдывающая оба результата. При её осмыслении вольно или невольно вызревает критическое отношение к сверхиндивидуальным образованиям и системам. Продолжая линию платонизма, насыщая её экзистенциальным содержанием, отечественная философия различает *целое* и *единое*. Целое всегда и безусловно больше любой своей части и любой совокупности своих частей, поэтому ради сохранения целого можно пожертвовать какой-то или даже любой его частью. Единое не больше и не меньше любого своего фрагмента, поэтому ни одним из них ради сохранения единого пожертвовать нельзя. В рамках целого индивидуализм табуирован: индивидуация там обрывается, не успев начаться. В рамках единого индивидуализм возможен — при том дополнительном условии, что фрагмент может быть и бывает не только не меньше, но и больше единого. Речь идёт не о том, чтобы *возвыситься* над всем, а о том, чтобы *приподняться* над природной и социальной необходимостью. При отсутствии оговоренного дополнительного условия, вне отношений подвижной иерархии индивидуация обрывается на полпути. Предчувствуя подобный разворот, осознавая его большую вероятность, мысля эмоционально и реалистично, русский индивидуалист, заведомо не принимая, отторгая целое, поставит под подозрение и единое.

Иллюстративный штрих. Самая экстравагантная версия концепции всеединства представлена, пожалуй, планами Н.Ф. Фёдорова по воскрешению всех умерших людей. Воспроизведём её философско-антропологическое обоснование. «Существенною, отличительною чертою челове-

ка являются два чувства — чувство смертности и стыд рождения. <...> И стыд рождения, и страх смерти сливаются в одно чувство преступности, откуда и возникает долг воскрешения, который прежде всего требует прогресса в целомудрии. <...> Нужно достигнуть такого состояния, чтобы виновность была невозможна, чтобы освободиться от всякого пожелания нечистого, т.е. не только не рождаться, но и сделаться нерождённым...»⁹. Итак, для решения насущных человеческих проблем предлагается вернуть к жизни старые поколения и оборвать рождение новых. Хотелось бы тогда спросить у отцов: согласятся ли они на воскрешение, цена которого — бездетность их сыновей, прекращение рода? Не уверен, что такая плата устроит всех или даже многих предков. Да и потом, если страха смерти действительно, видимо, не избежать, то со стыдом рождения дело иное. Откуда он вообще взялся? Кто-то кого-то напугал первородным грехом? Не смешно ли! Если это комплекс незаконнорожденного, то не надо обременять им окружающих. Аргументы Ивана Карамазова и Алёшин ответ (генералу — расстрел, брату — тихий поцелуй) сростаются в обвинительный приговор: идея первородного греха порочна, потому что фундаментально узаконивает страдания детей. Прислушаемся к французскому сценическому исполнителю роли Ивана: «Революционный ум отрицает первородный грех. И погрязает в нём. Греческий ум не думает о нём. И избегает его»¹⁰. Не переживать об изъяне рождения после двух с лишним тысячи лет монотеизма и «осовременных» травм — обманывать себя. Отрицать и не погрязнуть в отрицаемом... Выручает ирония. Не столько над ним, сколько над собой. Ирония — это серьёзно: греческий урок.

От тягот и забот никому, увы, не укрыться. Но культивировать их неизбежность — мазохистский каприз или убогая месть судьбе. Ну не додала тебе природа чего-то (здоровья, стати, ума...) — у каждого свой перечень рекламаций, — так неси это в себе, не отравляй жизнь людям... Всё недополученное стократ компенсировано и превзойдено *даром* рождения, против которого восстаёт Н.Ф. Фёдоров. «Задача человека состоит в изменении всего природного, дарового в произведе-

⁹ Фёдоров Н.Ф. Из I тома «Философии общего дела» // Фёдоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 398-402.

¹⁰ Камю А. Записные книжки. Май 1935 – март 1951 / Пер. с франц. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: в 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. С. 380.

дённее трудом, в трудовое...»¹¹. Технологическая оголтелость! Абсурд! Хотя, как посмотреть... Homo technologicus в окна любимым женщинам лазить точно не будет. Поборники однополых союзов и владельцы секс-шопов в накладе точно не останутся. И что ж с того?! Без дара рождения невозможны ни жизнь, ни любовь, ни свобода. Подмена рождения творением и воскрешением технологически душит и принижает достоинство живого и собственно человеческого. Приверженец общего дела настаивает: «жить нужно не для себя (эгоизм) и ни для других (альтруизм), а со всеми и для всех...»¹². Приверженец особенных дел согласится с первой частью максимы и ограничит вторую: вместо «со всеми и для всех» предпочтёт «с некоторыми и для некоторых», не забыв, разумеется, и о себе.

Настороженное отношение к единому распространяется русским индивидуалистом и на континуальное — при одновременном признании наивным, иллюзорным тезиса о дробности, дискретности сущего. Без всякой рисовки можно утверждать, что в пространстве отечественной культуры индивидуализм куда более трагичен, нежели в культурном ландшафте Запада. Там человеческому существованию постулативно предпосланы лакуны в сущем, которых, в принципе, хватит на всех и в которых каждый способен монадически замкнуться. Эти проплешины и разреженные среды возникают при модернизации аристотелевской картины мира, её топологического аспекта. По логике Стагирита, всякой оформленной индивидуальности, в том числе человеческой, предзадано своё подлинное место, которое не пребывает в своей собственной форме, но обретает её. В силу чего движение актуально оформленного оказывается существенно ограниченным. Для устранения этого недостатка, возможно кажущегося, для повышения динамического потенциала индивидуума, пусть и за счёт приоритетного роста способности к перемещению в пространстве (будто бы от себя убежишь!), аристотелевские топосы заменяются зияющими пустотами, никогда не обретающими собственную форму, а лишь мешающими пребыванию и движению других. В русской картине мира вместо пустот — пустоши и медвежьи углы. Каждый со своим, путаным или полустёртым, рельефом. И не факт, что он примет, укроет тебя.

¹¹ Фёдоров Н.Ф. Из I тома «Философии общего дела» // Фёдоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 359.

¹² Там же. С. 166.

Онтологическое противопоставление целого и единого, попадая в социально-философский контекст, проступает в отечественной традиции оппозицией *коллективизма* и *коммунотарности*. Терминология Н.А. Бердяева удобна здесь, так как не обязывает нас к исключительно религиозному обсуждению очерченной проблемы. Соборность есть частный случай коммунотарности, не наоборот. Коллективизм скрадывает, поглощает личность. Коммунотарность помогает ей развиваться и расцвести. Наверное. Индивидуалист, однако, и тут сохранит подозрительность, возникшую у него ранее. Реально ли достижение и сохранение коммунотарной, братской общности в большом социуме и даже в малой социальной группе? Быть может, и правда, «единственно возможное в наше время братство... это солдатское братство перед лицом смерти»¹³?

Индивидуалист не отклоняет братства, жаждет его, во всяком случае того, о котором с симпатией к русской культуре пишет В. Шубарт: оно «не стадность и не зов толпы»¹⁴. Но вместе с немецким интеллектуалом предостерегает: чувство братства поляризовано. «То, что на высокой ступени граничит с нравственным совершенством, на более низкой — опускается ниже среднего уровня. В первом случае сознание личной ответственности предельно обострено, во втором — притуплено. В первом случае каждый отвечает за всех и за всё; во втором — никто ни за кого и ни за что. В первом случае — царство всеобщего соучастия в вине, во втором — всеобщей безответственности. Или русский [а речь идёт о нашем человеке. — А.Ф.] со своим чувством вины охватывает целое, или же он ещё не выделяется из целого...»¹⁵.

Переместив вопрос в проекцию национальной культуры, максимально конкретизируем его. Действительно ли русский человек по натуре и сути своей общинник, артельщик, «соборянин» (в положительном, коммунотаристском смысле этих слов)? Или он только некогда, в историческом прошлом был таковым? А может, никогда и не был, сочинив для себя комфортный миф, ментально, идеологически компенсирующий отсутствие искренней солидарности между людьми

¹³ Камю А. Записные книжки. Май 1935 – март 1951 / Пер. с франц. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. С. 68.

¹⁴ Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. М.В. Назарова, З.Г. Антипенко. М.: Эксмо, 2003. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 172.

в реальной жизни? Нерв, надрыв отечественной словесности, литературной и философской, в индивидуалистической нюансировке тенденциозно коллективистских полотен нашей жизни. Дескать, а вдруг... У Ф.М. Достоевского читаем: «Человеку надо — одного только *самостоятельного* хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела»¹⁶. Схоже у В.В. Розанова: «*Истинное* отношение каждого только к *самому себе*»¹⁷.

В пользу реальности и оправданности коллективного образа жизни в историческом прошлом нашего народа свидетельствует огромная территория (в её естественных границах), которая была пригодна для освоения и, так или иначе, осваивалась при слабой технической оснащённости поселян. Просторы Америки, тоже немалые, колонизировал хорошо технически вооружённый человек, особо не нуждавшийся в помощи коллектива. На рубеже XIX-XX вв. ситуация с инструментарием изменилась и в отечественном хозяйстве. Отсюда кризис сельской общины, который, впрочем, привёл к мощному оттоку в города лиц общинного склада.

Наш изначальный вольно-невольный коллективизм — с нежесткими основаниями (такие громадные пространства осваивать было обязательно) и нежесткими следствиями для индивидуумов (от них не требовалось отменного старания и высочайшего мастерства). Помимо него узнаваемы и угадываемы ещё несколько. Коллективизм с жесткими (этическими, предапокалиптическими) основаниями и нежесткими следствиями (спасение в соборном единстве иного мира: покаявшиеся спасутся, каются согрешившие) — религиозный проект, на протяжении тысячи лет прививаемый и к дереву русской жизни. В результате в земном мире добрый нрав до неприличия уценён. «Герои народных песен — кто “больше пролил кровушки”, кто больше “погулял, пошалил, загубил душ христианских”. <...> И это самое ужасное: “жизнь — копейка”!»¹⁸. Надо упомянуть ещё коллективизм с основаниями нежесткими (эстетическими: чтобы каждый мог удовлетворить приличествующие человеку потребности на самом высоком уровне), но жестки-

ми следствиями для индивидуумов (они обязаны быть умелыми и старательными) — платоновский проект. Наконец, коллективизм с жесткими основаниями (от нехватки территории, людской толчеи и необходимости хоть как-то ужиться друг с другом) и жесткими следствиями для индивидуумов (большинству из них суждено погибнуть в борьбе за выживание, остальным придётся пассивно приспособляться к обстоятельствам) — мальтузианского толка прогноз для демографически распущенной человеческой цивилизации и её отдельных сегментов.

Советский коллективизм, опираясь на изначальное русско-евразийское единение, отличался усилением квазирелигиозных оснований (глобальное противостояние капиталистическому злу) и квазиплатоновских следствий для индивидуумов (от каждого — по способностям). Безусловно, он помог нам в войне. Не мог не помочь, ведь и вытекал из неизбежности скорой войны и необходимости тотальной мобилизации в стране, где либеральные «автоматизмы» на победу заведомо не сработают. Испытания мирным временем советский коллективизм не выдержал. И не столько потому, что Запад измотал нас вялотекущей тотальной мобилизацией (гонкой вооружений) — атлантисты и сами ослабили себя ею, растерянно взирая сегодня на спорадические, точечные и весьма эффективные выпады радикальных исламистов, — сколько из-за внутренних неурядиц, вследствие нарастания эгоистических тенденций и настроений в обществе развитого социализма, желания жить за счёт природных ресурсов, даровитости и трудолюбия сограждан. Рыба гниёт с головы. И нечего удивляться, что нынешние российские олигархи заквашены в советских райкомах комсомола. Ну да чёрт с ними, с олигархами. Остальные-то тоже оказались не на высоте. Как только внешний враг и обязательный труд на общее благо были декларативно отменены, от коллективизма не осталось следа. Зато появилась масса праздношатающихся, вообще не желающих ни трудиться, ни сопротивляться внутреннему врагу — алчности и зависти, сидящим в человеке.

Что делать? Ремейк не предлагать. Было уже. Для начала содержательно приглядимся к идее индивидуализма, ответственного самостоятельного бытия человека. Возможно, я её приукрашаю. Но не всё ж делать из неё пугало.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 470.

¹⁷ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 323.

¹⁸ Соколов-Микитов И.С. Из карачаровских записей // Новый мир. 1991. № 12. С. 177, 170.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука, 2000. С. 227-231.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 452-550.
3. Камю А. Записные книжки. Май 1935 — март 1951 / Пер. с франц. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
4. Камю А. Записные книжки. Март 1951 — декабрь 1959 / Пер. с франц. Я.Ю. Богданова // Иностранная литература. 1992. № 2. С. 171-214.
5. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 275-418.
6. Селин Л.-Ф. Смерть в кредит: Роман / Пер. с франц. М. Климовой. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. 608 с.
7. Соколов-Микитов И.С. Из карачаровских записей // Новый мир. 1991. № 12. С. 164-178.
8. Фатенков А.Н. Идея подвижной иерархии // Человек. 2007. № 2. С. 18-30.
9. Фёдоров Н.Ф. Из I тома «Философии общего дела» // Фёдоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 51-503.
10. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. М.В. Назарова, З.Г. Антипенко. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
11. Юнгер Э. Сердце искателя приключений. Вторая редакция. Фигуры и каприччо / Пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Ад Маргинем, 2004. 288 с.
12. Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи (1923-1933) / Пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Скимень, 2008. С. 191-216.

References (transliteration):

1. Bakhtin M.M. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk // Bakhtin M.M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb: Azbuka, 2000. S. 227-231.
2. Dostoevskiy F.M. Zapiski iz podpol'ya // Dostoevskiy F.M. Sobr. soch.: V 15 t. L.: Nauka, 1989. T. 4. S. 452-550.
3. Kamyu A. Zapisnye knizhki. May 1935 — mart 1951 / Per. s frants. O. Grinberg, V. Mil'chiny // Kamyu A. Soch.: V 5 t. Khar'kov: Folio, 1998. T. 5. 410 s.
4. Kamyu A. Zapisnye knizhki. Mart 1951 — dekabr' 1959 / Per. s frants. Ya.Yu. Bogdanova // Inostrannaya literatura. 1992. № 2. S. 171-214.
5. Rozanov V.V. Opavshie list'ya. Korob pervyy // Rozanov V.V. Soch.: V 2 t. M.: Pravda, 1990. T. 2. S. 275-418.
6. Selin L.-F. Smert' v kredit: Roman / Per. s frants. M. Klimovoy. Khar'kov: Folio; M.: AST, 1999. 608 s.
7. Sokolov-Mikitov I.S. Iz karacharovskikh zapisey // Novyy mir. 1991. № 12. S. 164-178.
8. Fatenkov A.N. Ideya podvizhnoy ierarkhii // Chelovek. 2007. № 2. S. 18-30.
9. Fedorov N.F. Iz I toma «Filosofii obshchego dela» // Fedorov N.F. Soch. M.: Mysl', 1982. S. 51-503.
10. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka / Per. s nem. M.V. Nazarova, Z.G. Antipenko. M.: Eksmo, 2003. 480 s.
11. Yunger E. Serdtse iskatelya prikl'yucheniy. Vtoraya redaktsiya. Figury i kaprichcho / Per. s nem. A.V. Mikhaylovskogo. M.: Ad Marginem, 2004. 288 s.
12. Yunger E. Total'naya mobilizatsiya // Yunger E. Natsionalisticheskaya revolyutsiya. Politicheskie stat'i (1923-1933) / Per. s nem. A.V. Mikhaylovskogo. M.: Skimen'. 2008. S. 191-216.